

11. Поддѣлка подписей родственниковъ въ отпускныхъ билетахъ.

12. Ложь.

13. Опаздываніе на уроки.

14. Неаккуратность и небрежность.

О проступкахъ воспитанниковъ было сообщается имъ родителямъ и замѣняющимъ ихъ родственникамъ съ предложеніемъ принять съ своей стороны соотвѣтствующія мѣры къ исправленію. Со стороны воспитателей и администраціи учи-

лица мѣрами къ исправленію недостатковъ учениковъ служили, главнымъ образомъ, бесѣды съ ними и вразумленіе наединѣ и передъ классомъ. Въ качествѣ дисциплинарныхъ мѣръ взысканія примѣнялись выговоры, лишенія праздничныхъ отпусковъ, временное удаленіе изъ общжитія въ домъ родителей, ограниченіе въ пищѣ и — въ видѣ крайней мѣры — изолированіе на нѣсколько часовъ въ особомъ помѣщеніи.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Проповѣдь трезвости.

III.

1) Несчастные окончательно отравленные водкой алкоголики никакъ, видимо, не могутъ обойтись безъ убивающаго ихъ яда. Отняли отъ нихъ водку, такъ принялись за денатурированный спиртъ. Не успѣла, можно сказать, закрыться винная казенная продажа, какъ изобрѣтательная страсть создала новый самодѣльный напитокъ «ханжу». Лишь-бы одурманиваться, лишь-бы напиваться. Объ ужасныхъ послѣдствіяхъ денатурата больной мозгъ алкоголика не мыслить и парализованная воля противиться имъ не въ силахъ. Но здоровые-то люди должны оградить себя отъ бѣдствій, каковыми угрожаетъ жизни общества и денатуратъ и «ханжа». Варка послѣдней служитъ причиною многочисленныхъ, все учащающихся, пожаровъ. Вотъ какъ недавно пишетъ о нихъ Н. Н. К. въ «Вечернемъ Времени».

Пожаръ произошелъ вслѣдствіе варки «ханжи» въ сосѣдней съ моимъ домомъ по Комаровскому пер., д. 32, квартирѣ бывшихъ моихъ жильцовъ: рабочаго съ завода Семенова въ Старой Деревнѣ, Никандра Богданова съ женой, оставившей безъ присмотра на горячей плитѣ большой котелъ съ денатуратомъ, закипѣвшимъ въ ея отсутствіи и разбрызгавшейся огненной струей «ханжи». Эти квартиранты въ одной изъ квартиръ моего дома прожили всего два—три дня, такъ

какъ, замѣтивъ то же повальное пьянство и бутылки съ денатуратомъ, картина котораго обнаружена и въ день пожара, когда совершенно пьяныхъ мужиковъ крестьяне вытаскивали черезъ разбитыя окна, — я немедленно отказалъ имъ отъ квартиры, не принимая паспортовъ въ прописку. Я живу точно на вулканѣ, — во второмъ этажѣ и съ постоянно открытаго въ залѣ балкона на улицу и садъ моего дома, — съ содроганіемъ наблюдаю по ночамъ, — пылающія огнемъ топки печей въ кухняхъ, когда милые сосѣди варятъ «ханжу». Варки происходятъ и въ другихъ домахъ, рядомъ съ моимъ, къ которому тѣсно примыкаютъ эти дома. Объ этомъ знаетъ вся улица, а по вечерамъ въ канавѣ валяются пьяные и совершенно обалдѣвшіе отъ денатурата. При такихъ способахъ «борбы съ пьянствомъ», когда каждый домъ превратился въ тайный винокурный заводъ и въ очагъ пьянства и спаиванія, остается удивляться, какъ это еще не все выгорѣло до-тла. Съ наступленіемъ теплаго времени, когда толевые и тесовые крыши очистились отъ снѣга, и въ особенности въ жаркіе дни и въ ночное время — опасность неминуема, особенно въ мѣстности, удаленной отъ рѣки. Почему же пьяныхъ у насъ забираютъ въ участокъ для вытрезвленія, а спаивателей и поджигателей оставляютъ на свободѣ?

Дѣйствительно, опасность близкая и ужасная. Не слѣдуетъ ли пастырямъ церкви, оберегая народъ отъ несчастій, гдѣ

есть хотя малыя попытки такого производства, со всею силою предупреждать народъ, чтобы онъ самъ не допускалъ этого зла. Тайные производители «ханжи» кромѣ того что отравяютъ народъ и отравяютъ прямо смертельнымъ ядомъ, спалятъ еще цѣлыя села и деревни. Поздно тогда будетъ говорить. Дорого своевременное предупрежденіе. Не полицейскія власти, въ деревняхъ едва-ли имѣющія возможность за всѣмъ наблюсти, а само общество, приходъ православный, наставленный своимъ пастыремъ, долженъ оградить себя отъ зловредныхъ и злонамѣренныхъ людей. Кто безъ «ханжи» жить не могутъ, тѣмъ не мѣсто въ деревнѣ.

2) Долгъ пастыря проповѣдывать трезвость не только по отношенію къ вину, но по отношенію ко всякой, одурманивающей сознаніе человѣка, страсти. Въ громадной массѣ народа прекращеніе казенной продажи вина возымѣло свое великое благотворное дѣйствіе. Трудно даже представить себѣ все вліяніе этого спасительнаго благодѣянія. Но есть сообщенія со многихъ мѣстъ, что вмѣсто пьянства быстро возрастаетъ въ народѣ другая губительная страсть—азартная игра въ карты. Невольно вспоминается слово евангельское: «Когда нечистый духъ выйдетъ изъ человѣка, то ходитъ по безводнымъ мѣстамъ, ища покоя, и не находитъ; тогда говоритъ: возвращусь въ домъ мой, откуда я вышелъ. И пришедъ находитъ его незанятымъ, выметеннымъ и убраннымъ; тогда идетъ и беретъ съ собою семь другихъ, злѣйшихъ себя, и вошедши живутъ тамъ; и бываетъ для человѣка того послѣднее, хуже перваго (Мѡ. 12, 43—45)».

Подъ этимъ приточнымъ образомъ изображается, какъ злая страсть вновь и съ большею силою овладѣваетъ сердцемъ человѣка, если оно осталось празднымъ. Не засѣянное добрымъ сѣменемъ поле сорною травою зарастетъ, не имѣющая истинной духовной пищи, вновь на зло устремляется душа праздная. «И бываетъ для человѣка того, послѣднее, хуже перваго». Кар-

точный азартъ не легче алкогольнаго угара. Въ водкѣ и пьянствѣ терялъ народъ нашъ силы, здоровье, трудоспособность. То же губить и азартъ. Не работникъ—игрокъ, дни и ночи просиживающій за картами. Такъ же, какъ и пьяница сгораетъ онъ въ азартѣ, теряя обликъ человѣческій. Отъ вина обнищавъ народъ нашъ, въ худшую нищету можетъ ввести его азартъ. Сколько прекраснѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей гибнетъ на этомъ огнѣ, нерѣдко кончая самоубійствомъ свою жизнь. Что-же можетъ быть съ нравственно недостаточно развитымъ народомъ? Съ глубокой древности Церковь боролась съ азартною игрою. По 42 правилу св. апостоловъ, «епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, игрѣ или пьянству преданный, или да престанетъ, или да будетъ изверженъ», а по 43 правилу: «иподіаконъ, или чтець, или пѣвецъ, подобное творящій, да престанетъ, или да будетъ отлученъ, такожде и міряне». Азартная игра запрещается правилами соборными. Св. отцы смотрѣли на бытокъ отъ игры, на выигрышъ, какъ на кражу. Святитель Тихонъ Задонскій относитъ карточную игру къ лестному хищенію. «Спроси» говоритъ онъ, «каждаго картежника: ради чего онъ начинаетъ играть? Не для того ли, чтобы чужимъ добромъ покорыствоваться, чтобы чужое добро присвоить? А когда такъ, то и занято его сердце страстью хищенія, и, слѣдовательно, хотя онъ и не выиграетъ, однако, грѣшитъ противъ 10-ой заповѣди Божіей, запрещающей желать чего-либо принадлежащаго ближнему, а когда выиграетъ, то и въ самомъ дѣлѣ чужое похищаетъ. Итакъ, выиграетъ-ли картежникъ, или проиграетъ, все грѣшитъ... Картежникъ проигравшійся дѣлаетъ обиду своей женѣ и дѣтямъ, отнимая у нихъ надлежащее удовольствіе и имъ наслѣдіе должное...»

Съ карточнымъ азартомъ, гдѣ онъ есть пастырь долженъ не меньше бороться, чѣмъ и съ пьянствомъ, и чѣмъ скорѣе выступать на борьбу съ этимъ зломъ, тѣмъ больше надежды побѣдить его. Не должно за-

пускать болѣзни и нельзя медлить съ пожаромъ. Средство же для борьбы прежде всего, конечно, нашъ мечъ духовный—живое слово пастырское.

Дорого также слово печатное. Очень было бы полезно въ такихъ случаяхъ хорошо и просто составленные листки, которые могли бы быть и раздаваемы народу, и расклеиваемы по деревнямъ. Вѣроятно, епархіальный миссіонерскій совѣтъ не отказалъ бы въ такихъ листкахъ сельскому духовенству, если бы о томъ оно просило совѣтъ. Вообще, думается, что проповѣдь наша должна быть болѣе настойчивой и послѣдовательной и непременно подкрѣпляться въ памяти народа брошюрами и листками. Одно, случайно сказанное церковное, слово что-же можетъ сдѣлать? Это не больше, какъ зерно, занесенное на поле вѣтромъ. Не оплодотворитъ оно нивы. Пастырь долженъ добиваться, чтобы вся его паства или слышала, или прочтала, или какимъ другимъ путемъ, но непременно узнала объ опасностяхъ угрожающаго ей недуга духовнаго, а тамъ пусть дѣлаютъ какъ хотятъ, пусть выбираютъ злое, если его возлюбили. Пастырь чистъ будетъ отъ грѣха ихъ. Поскорбитъ, болѣе чуткій совѣстію, можетъ быть, и поплачетъ объ ожесточеніи, но предъ Богомъ не отвѣчаетъ. Правда, нелегко бороться со зломъ. Тысячи препятствій, обидъ и скорбей ждутъ пастыря на этомъ пути. Но таковъ неминуемый удѣлъ всякой правды—быть гонимой и оскорбляемой. Таковъ удѣлъ и пастыря ревностнаго, пастыря добраго.

Прот. *Евг. Кондратьевъ.*

Чрезъ полгода.

Минуло полгода со дня смерти именинаго столичнаго пастыря—о. протоіерея Леонида Петровича Петрова. Въ лицѣ его сошелъ въ могилу крупный и оригинальный церковно-общественный дѣятель, чловѣкъ своеобразной жизни и настроенія.

Я лично зналъ почившаго, какъ благочиннаго, какъ духовника, какъ законоучителя, какъ собесѣдника въ людныхъ со-

браніяхъ. И всегда питалъ къ нему глубокое уваженіе, полагаю, ненапрасно. Меня поражала въ почившемъ его всегдашняя голубиная кротость, отсутствіе во всякихъ случаяхъ даже намека на гнѣвъ, на суровость, на брюзжаніе, столь естественное у дряхлыхъ старцевъ, обычно невольныхъ людьми новыхъ дней. Ласковый, привѣтливый пріемъ, свѣтлая бодрость, склонность къ шуткѣ, къ анекдоту,—юношеская чуткость ко всему живому, движущемуся,—колоссальная трудоспособность,—аскетизмъ чистой воды въ укладѣ жизни,—отвращеніе отъ шаблоновъ, отъ подлаживанія подъ чужой смычокъ—вотъ основные тона въ которыхъ шла долгая жизнь и дѣятельность почившаго. Думаю, что полная біографія его открыла бы въ немъ безспорныя черты «праведности въ міру», и во всякомъ случаѣ была бы поучительна для нѣкоторыхъ, берущихъ на свои рамена такіе же труды, какіе несъ на своихъ могучихъ раменахъ покойный труженикъ. За біографію его—нужно кому-нибудь приняться.

Много поможетъ біографу оставленная покойнымъ «автобіографія», носящая названіе: «воспоминанія протоіерея Леонида Петрова»,—въ двухъ книжкахъ. Книжки—тощи, необъемисты, но всетаки они достаточно широко открываютъ дверь во внутренній міръ ихъ автора, даютъ свѣдѣнія, какихъ не почерпнешъ въ другихъ источникахъ.

Кое-что изъ этой автобіографіи и хочется вспомнить въ полугодину смерти виновника «воспоминаній»; тѣмъ болѣе видишь нужду въ этой работѣ, что самъ-то о. протоіерей въ концѣ «воспоминаній» завѣщалъ—«не считать факты, имъ сообщенные, маловажными, неинтересными».

Многое, пусть и не крупное, онъ могъ наблюдать въ многогранной своей жизни и дѣятельности,—о многомъ дѣлать своеобразные выводы, пусть и не радикальные, не умопомрачительные.

Поэтому тотъ, кто сталъ бы придирчиво относиться къ «мелочамъ» воспоминаній,